

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Дмитрий Фурман

Долгий процесс распада Российской империи

В данной работе автор стремится показать логику процесса распада российского имперского пространства, принимавшего в ходе истории разные формы - Российской империи, СССР и СНГ. Это пространство создавалось много веков, превращение древнего русского государства в полиэтническую империю было постепенным процессом, и нельзя указать дату, четкий временной рубеж, с которого начинается империя. И также нельзя указать рубеж, с которого начинается ее распад. Зрелость переходит в старость, и умирание незаметно. Как любой живой организм, российское имперское единство могло не возникнуть, но, возникнув, оно не могло не распасться, как раньше или позже распадались все империи, тем более что условия современного мира делают выживание государственных организмов такого типа невозможным. Но, как создавалось имперское пространство веками, так и распадается оно веками. Начало этого процесса распада относится к XIX веку, но и сейчас, в начале XXI века он еще не завершен и окончательно завершится, очевидно, лишь в течение этого столетия.

Этот процесс распада российского имперского пространства лишь в незначительной мере зависит от сознательных усилий людей, которые могут изменить его форму и, возможно, несколько ускорить или замедлить его, но не могут его остановить и обратить вспять. Как мы увидим в дальнейшем, сознательные усилия в ходе этого процесса постоянно приводили к результатам, к которым отнюдь не стремились те, кто прилагал эти усилия, и даже противоположным тем, к которым они стремились.

1

Российская империя по своей внутренней структуре значительно отличалась от «заморских» колониальных империй западноевропейских стран. Она возникает за счет расширения самодержавного русского государства, постепенно подчиняющего живущие по периферии России очень разные по типу культуры и уровню развития и численно уступающие русским народы, которые становились подданными династии Романовых, а земли которых превращались в окраины империи. В этом отношении она была ближе к другим континентальным империям - Австрийской (Австро-Венгерской) и Турецкой.

В «заморских» империях были четкое пространственное разграничение метрополии и колоний и связанные с этим жесткая культурная граница между имперской нацией и народами колоний и четкое правовое разграничение между гражданами и подданными. В Российской империи, как и в других континентальных империях, не могло быть ни такого четкого пространственного и правового разграничений, ни таких четких культурных границ. Границы метрополии и колоний были неопределенны и лабильны, как неопределенны и лабильны были правовые различия в положении разных этнических групп и сами этнические границы. Была лишь одна четкая граница между господствующей и подчиненными общностями - конфессиональная.

Отсутствие в континентальных империях ясных границ между метрополией и колониями создает специфические трудности для процессов демократизации. В странах с «заморскими» империями демократизация метрополии очень долгое время могла непосредственно не затрагивать положения в колониях, которые продолжали авторитарно управляться присылаемыми из метрополии чиновниками, как это было во Франции - республике, имевшей свою империю. В континентальной империи демократизация одной метрополии, не затрагивающая колоний, невозможна. Поэтому связь демократизации и распада империи здесь - значительно более непосредственная, демократизация значительно опаснее для

единства имперского государства и соответственно - сопротивление ей больше.

Единство российской континентальной империи было неотделимо от авторитарного характера российского политического строя. В России не только не было и не могло быть демократизации в метрополии при сохранении колоний, но, наоборот, такие «инородческие» окраины империи, как Польша и Финляндия, могли иметь представительные институты, которых не имели русские, и крепостное право, господствующее в российских землях, не распространялось на народы окраин. Русские были даже менее свободны, чем многие другие народы империи, и применение к русским термина «народ господ» может вызвать ироническую улыбку. Тем не менее империя была русской, российской, потому что она возникла из расширения этнически русского государства, императоры были русские и православные, и русские православные, вера и язык были официальными и господствующими. И как бы ни были социально угнетены большинство русских, они ощущали свою этническую связь с властью, причастность к успехам империи и гордость за нее.

Во второй половине XIX - начале XX вв. российское самодержавие и российская империя подтачиваются процессами модернизации, которые подтачивают все авторитарные монархии и все империи (и континентальные, и колониальные) распространения грамотности, средств сообщения и информации, урбанизации и развития рыночных отношений, демократизации социальной жизни. Эти процессы подрывают традиционалистскую лояльность к императорской власти, религиозное и сословное сознания, порождают новые, не сословные, буржуазные и интеллигентские элиты и вызывают к жизни новые, не совместимые с самодержавием идеологии и новые национальные самосознания.

В русском обществе традиционалистская лояльность к династии Романовых начинает постепенно уступать место идеологиям новой, демократической эпохи, в том числе русскому национализму, который стремится превратить импе-

рию в национальное русское государство. Начинается националистическая (славянофильская) агитация за ликвидацию сохранявшегося самоуправления окраин и их административную интеграцию с собственно русскими землями, русификацию «иностранцев» и русскую колонизацию их земель и ограничение социальной роли нерусских. Императорская власть ощущает опасность для себя, исходящую от русского национализма, подрывающего традиционалистские основы общества и государства и превращающего безусловную лояльность власти в условную, зависящую от выполнения этой властью его программы. Но ища новых идейных обоснований своего господства и союзников в борьбе с идеологиями, прямо направленными против самодержавия, власть постепенно принимает и начинает осуществлять русскую националистическую программу¹.

Русский национализм меньше всего стремился к разрушению империи, но объективно способствовал этому разрушению, как он затем будет способствовать разрушению СССР. Постепенный переход от империи Романовых к «русской империи» подрывал полиэтничное государство, ибо представителям этнических меньшинств, традиционно верным династии, трудно было сохранять верность государству, которое все более становится национально русским и требует от них уже не просто политической лояльности, но отказа от их этнической индивидуальности. Русификация, растворение разных этносов в русской нации должны были компенсировать этот упадок традиционной лояльности, увеличивая удельный вес в населении людей с русским национальным самосознанием. Но относительная отсталость русского общества и имперского государства ограничивала возможности русификации. Империя не могла, например, организовать ликвидацию неграмотности и всеобщее начальное обучение на русском языке и русскому языку, что могло бы также «в зародыше» прервать процесс консолидации в нации ряда этносов, как всеобщее обучение во Франции не позволило превратиться в нации различным французским этническим группам вроде провансаль-

цев, Кроме того, империя была не только полиэтническим, но и поликонфессиональным государством, и русификация многих народов наталкивалась на мощные религиозные барьеры.

Политика русификации встречается со все большим сопротивлением, поскольку процессы образования современных наций развиваются и в нерусских окраинных этносах (у таких народов, как поляки и финны, они значительно опережали процесс становления русской нации). Распространяются не только русская грамотность, но и грамотность на других языках, в том числе и на языках, которые только в Российской империи приобрели литературную форму. У народов окраин формируются свои буржуазия, интеллигенция и бюрократия. Императорская власть сама способствует возникновению у наиболее отсталых народов интеллигенции и бюрократии, необходимых ей для управления ими, и таким образом сама вырашивает своих будущих врагов. Идеиная эволюция новых, не традиционных элит окраинных народов направляется от преданности империи как носителю прогресса через стремление сохранить и модернизировать национальную культуру и противодействие русификации к политическому национализму - автономизму и сепаратизму (процесс, аналогичный процессам, происходившим в других империях).

Русский национализм и националистические движения окраинных этносов, борясь друг с другом, взаимно усиливают друг друга. Чем больше империя осмысливается как национально русское государство и переходит к политике национального угнетения и русификации, тем больше противодействие этой политике поднимающихся национальных движений. И наоборот - чем сильнее и опаснее эти движения, тем активнее становятся усилия по их подавлению и русификации. Во второй половине XIX - начале XX веков возникают все новые и новые конфликты российской власти и русского национализма с национальными движениями, постепенно превращающиеся в современные нации окраинных народов. Эта борьба расшатывает организм империи, делает его все более «хрупким».

Перенапряжение российского государства в Первой мировой войне и демократическая революция в центре империи приводят к бурному росту и организационному оформлению автономистских и сепаратистских движений практически всех народов империи. Исчезновение самодержавного, авторитарного «обруча», скрепляющего империю, приводит к ее распаду. В период гражданской войны в России на «иногородческих» окраинах возникает множество, в основном очень непрочных и слабо организованных, самопровозглашенных национальных государственных образований.

Российская империя распадается по тем же причинам (ослабление государственного организма в результате образования современных наций, перенапряжение и поражение в мировой войне и революция), которые привели к разрушению в это же время двух других континентальных империй - Австро-Венгерской и Турецкой². Однако в отличие от этих империй Российская империя смогла восстановить свое единство на большей части своей территории и возродиться в своем новом воплощении - СССР.

2

Отличие судьбы Российской империи от судеб Турецкой и Австро-Венгерской империй связано, прежде всего, с тем, что в России на волне революции к власти приходит партия большевиков, носительница квазирелигиозной интернационалистической идеологии (по старой советской марксистской формуле - «буржуазно-демократическая революция перерастает в революцию социалистическую»).

История российского имперского пространства парадоксальна. Мы уже говорили, что русский национализм, стремящийся к укреплению и расширению империи, в которой он видел национальное русское государство, объективно рашатывал ее основания. И нерусские «белые», лозунгом которых было восстановление «единой и неделимой России», и естественными врагами которых стали все национальные движения нерусских народов империи, вернули единство

имперскому пространству. Его восстановили те, в ком белые видели воплощение антинациональных, антироссийских сил. Восстановителями империи стали нерусские белые офицеры, а большевистские комиссары, среди которых громадную роль играли представители угнетенных в империи меньшинств, прежде всего евреи, страстно ненавидящие Российскую империю и русский шовинизм.

Можно сказать, что большевики смогли в новой форме восстановить единство Российской империи именно потому, что они к этому совершенно не стремились. Большевистская революция в России мыслилась ими началом мировой социалистической революции. То, что большевикам удалось победить лишь на исторической территории Российской империи, воспринималось ими как относительно случайное и временное явление, досадная задержка мирового революционного процесса. Созданное большевиками государство также рассматривалось ими как «временное» - не как преемник великой империи прошлого, а как плацдарм мировой революции, ожидавшейся «со дня на день», и прообраз будущего всемирного объединения народов, в котором национальные различия и государственные границы вообще исчезнут («секуляризованного» варианта тысячелетнего Царствия Христова). Это отражается и в самом названии большевистского государства, в котором нет никакого национального определения и никакого указания на преемственность с Российской империей. Это не какие-нибудь «Российский союз» или «Российское содружество наций», а просто Союз Советских Социалистических Республик, то есть федерация равноправных национальных республик, поскольку они - советские и социалистические, которая может расширяться и дальше, по мере того как социалистические революции будут побеждать в новых странах, и в конце концов распространится на весь мир.

Для националистов окраинных народов в ситуации выбора между большевиками и стремящимися восстановить империю белыми больших колебаний быть не могло. «Меньшим злом» или даже относительным «добром» для них, безусловно, были

большевики. Интернационализм большевиков, их борьба с проявлениями русского шовинизма способствовали «разоружению» относительно слабых национальных движений большинства народов окраин, еще не ставших полностью готовыми к самостоятельному государственному существованию нациями и столкнувшихся с грандиозными трудностями в ходе строительства новых государств. Окраинные националисты примыкали к большевикам (или даже просто становились большевиками), ибо большевики были готовы принять и реализовывать, используя громадные ресурсы всего «имперского пространства», их программы национального строительства (при одном условии, которое тогда могло рассматриваться националистами как не такое уж важное - господстве коммунистической партии). В результате были потеряны лишь земли наиболее сформировавшихся как современные нации и готовых к самостоятельному государственному существованию европейских по культуре народов - поляков, финнов и народов Балтии, а также вошедшая в состав Румынии Молдова.

В соответствии с идеей равенства наций, имманентной большевистской идеологии созданное большевиками государство могло быть лишь добровольной федерацией равноправных народов. Но идея федерации, в которую на условиях равноправия и добровольности входили бы громадная Россия и множество относительно небольших и совсем «крошечных» стран, населенных народами с самыми разными культурами и находящимися на самых разных уровнях развития, была совершенно утопической. На российском имперском пространстве государство, основанное на провозглашенных большевиками принципах, просто не могло бы существовать. Однако, хотя идея добровольной и равноправной федерации отнюдь не была просто «демагогией» и «обманом», созданное большевиками государство на деле не было федерацией.

Равноправие народов и федерализм были элементами большевистской идеологии, имевшими непререкаемое догматическое значение. Но одновременно именно догматический, квазирелигиозный характер этой идеологии полностью ис-

ключал добровольность и федеративность, как он исключал вообще любые политические и идеологические свободы. Идеологические догмы требовали федеративности, но тоталитарный характер идеологии предполагал абсолютную унитарность. И большевики создают (воссоздают) государство, в котором при догматически принятом и зафиксированном во всех конституциях и всех сакральных идеологических текстах принципе добровольности федеративного объединения равноправных наций, фактически все пространство Российской империи управлялось из одного центра и значительно более жестко, чем при самодержавии.

Таким образом, с самого начала большевистское государство основывается на полностью противоречащих друг другу, логически исключаящих друг друга основаниях. Но именно это соединение несоединимого, возможное лишь при господстве догматической тоталитарной идеологии, приверженцы которой не видят ее очевидных внутренних логических противоречий и противоречий ее идей и реальности, могло восстановить единство имперского пространства и придать ему относительную прочность.

Воссоздание Российской империи в ее «неприкрытой» форме было уже невозможно - процесс образования наций из окраинных этносов зашел слишком далеко. Но и для окончательного распада имперского пространства время еще не наступило - большинство заселяющих это пространство наций еще не были полностью готовы к независимому государственному существованию. Большевикам удалось «нащупать компромисс», зафиксировать состояние «полураспада». Они воссоздали имперское пространство как единое целое, построив государство, жестко унитарное и способное государственным террором «в зародыше» подавлять сепаратистские стремления, но одновременно основанное на идеях равноправия и федеративности, что смягчало стремления народов к выходу из него и к государственной самостоятельности.

Большевистская идеология и большевистское государство «заморозили» имперское пространство, сдержали процессы

его дезинтеграции, начавшиеся еще в XIX веке. Российская империя в своей изначальной и «неприкрытой» форме просуществовала несколько сот лет. В своей новой и идеологически «закамуфлированной» форме она прожила еще чуть более 70 лет, пережив не только Австро-Венгерскую и Турецкую империи, но и колониальные империи западноевропейских стран.

Но все эти годы в новых и специфических формах в СССР продолжались те же естественные и необратимые процессы модернизации общества и образования современных наций, которые разрушали Российскую империю. И к концу советского периода стало ясно, что находящийся в идеальных внешних условиях, защищенный от всех возможных видимых угроз организм советского (имперского) государства ослаб и разрушен изнутри до такой степени, что его распад потребовал минимальных усилий и произошел практически «сам собой».

3

Мы говорили, что Российская империя разрушалась «с двух концов» - русским национализмом, стремящимся превратить ее в национальное русское государство, и национализмом окраинных этносов, стремящимся этого не допустить и постепенно переходящим к сепаратизму. Так же «с двух концов» разрушалось советское государство.

Государство, созданное большевиками, вначале не мыслилось как преемник империи. Но авторитарное унитарное государство, возникшее на территории бывшей Российской империи, в котором «ядром» и самой мощной частью является этническая Россия, естественный центр которого - Москва, где единым языком управления может быть лишь русский, и во главе которого стоят русские (или обрусевшие, «русскоговорящие» представители меньшинств), - это вне зависимости от характера официальной идеологии новое воплощение империи. В таком государстве «само собой» неизбежно восстанавливается старая иерархия народов во главе с русским, и неизбежно, хотя бы просто потому, что для любой карьеры

необходимо знание русского, возвращаются процессы русификации.

Отчасти это отражается даже в формальной организации советского государства, которая именно потому, что была лишь формальной, могла совершенно не соответствовать реальному механизму управления. Даже в «теоретической» конструкции советских конституций провести принцип равенства всех наций было невозможно - это привело бы к уж слишком абсурдным результатам. Конституции СССР предполагали невозможное на деле в рамках единого федерального государства правовое равенство России и маленькой Грузии, но и по этим конституциям такие страны, как Бурятия или Адыгея, были не союзными республиками, а только автономными республиками в составе РСФСР (а другие маленькие страны стали автономиями других союзных республик), а совсем маленькие народы имели лишь национальные области и округа.

Объективно существующая иерархия народов во главе с русским находила свое институциональное выражение и в том, что Россия не имела многих атрибутов советской государственности, которые имели другие республики, - своего ЦК, своих академий, творческих союзов. Молчаливо подразумевалось, что союзные ЦК и академии и есть «в основном российские», и поэтому создание особых российских не нужно и даже опасно могло бы стать источником дезинтеграции. (И действительно, когда в конце советского периода возникли отдельные российские органы власти, это означало конец СССР.)

Реально главенствующее положение России в СССР постепенно получает и идеологическое выражение. «Эсхатологические» ожидания мировой революции отходят на задний план по мере превращения большевистской идеологии из идеологии революционной «секты» в массовую и «общенародную» идеологию, когда в партию хлынули сотни тысяч людей, психологически и культурно резко отличавшихся от ранних большевиков и привнесших в нее традиционные представления³.

Новое государство все более осознается уже не столько как зародыш всемирного социалистического и коммунистического объединения человечества, возникновение которого переносится во все более туманное будущее (как при победе христианства в неопределенное будущее отодвинулись ожидания второго пришествия Христа), сколько как продолжение и новое воплощение тысячелетнего русского государства. Это древнее государство получило новую форму и новое идеологическое освящение. «Святая Русь» - единственное великое православное государство, превратилась в единственное (а затем первое) в мире государство победившего социализма. Но и в новой идеологической форме - это то же самое государство, которое создавалось и расширялось русскими самодержцами и победами русских полководцев, чьими именами стали теперь называться советские воинские ордена.

Если Ленин - страстный интернационалист и ярый враг русского шовинизма, то Сталин одновременно - и «верный ученик Ленина», новый «классик марксизма», и «классический» русский авторитарный владыка, «верный ученик Ивана Грозного и Петра Первого». Созданный при Сталине гимн, заменивший «Интернационал», содержит слова, в которых удивительно причудливо переплетаются имперские и интернационалистические образы и идеи: «Союз нерушимых республик свободных сплотила навеки Великая Русь» (республики - свободные, но их союз тем не менее - нерушимый и вечный, и сплотила их одна, великая республика, которая именуется своим древним этническим названием - Русь).

Большевики- интернационалисты, стоявшая у истоков государства «ленинская гвардия» попадают в «ловушку». Созданное ими государство приобретает совершенно «неожиданные» для них имперские и традиционалистские черты, а большинство их представителей падает жертвами сталинского террора. И, наоборот, это государство начинает ощущаться «своими» многими бывшими «белыми» монархистами, с изумлением видящими, что «Россия не погибла», и из хаоса «смутного времени» и «еврейского засилья» возникает что-то родное и знакомое.

Сталин восстанавливает многие элементы символики Российской империи и говорит об особой роли и особом величии русского народа, который теперь официально объявляется «старшим братом» других советских народов («все народы равны, но некоторые из них – более равны, чем другие»). Если Ленин мог сказать фразу: «Умный русский человек – или еврей, или с примесью еврейской крови», то при Сталине возрождается официальный антисемитизм, принявший особенно интенсивные формы в послевоенный период. Возвращается политика русификации. Если в 20-е годы новые литературные языки народов СССР создавались на основе латинской графики, то в 30-е они переводятся на русскую. Требования обязательного изучения русскими, работающими в национальных республиках, местных языков отходят в прошлое.

Война с фашистской Германией мыслится уже не «классовой» и революционной, а национальной, «отечественной». Расширяется заселенное русскими пространство – Сталин завершает то, что не смог завершить царизм, – очищает Крым и территории ряда северокавказских народов от местного населения, открывая их для русской колонизации. Сталин восстанавливает и территорию империи – возвращает утраченные в период революции и гражданской войны в России («русской смуты») балтийские страны и Молдову.

Победа над Германией и ее союзниками во Второй мировой войне привела СССР к невиданному могуществу и установлению контроля над территорией, простирающейся от Меконга до Эльбы. Никогда в русской истории русское (или «в основном русское», сплоченное «Великой Русью») государство не достигало такого могущества и не контролировало такую громадную территорию.

Но очень характерно, что расширение территории собственно СССР при Сталине почти не переходит старые границы Российской империи (за пределами старой империи были присоединены только Тува, Галичина и Калининградская область). Возникшие после разгрома Германии и советской оккупации Центральной Европы коммунистические государ-

ства, даже принадлежавшая Российской империи, но слишком большая и обладающая слишком развитым самосознанием Польша, уже не включаются в СССР как союзные республики (как это наверняка было бы при Ленине). Сталин явно видел границы СССР, старые границы Российской империи как «естественные» и опасался, что непосредственное включение в СССР новых стран может подорвать существующее в нем соотношение «национальных сил» и привести к национальным конфликтам и утрате доминирующего положения русского народа. (Таким образом, российский, русский империализм выступал как сила, сдерживающая «коммунистический империализм».)

Советская империя приобретает форму как бы трех концентрических кругов. Самый малый - РСФСР, в которую входят на правах «автономий» многочисленные относительно малые окраинные народы и народы, земли которых расположены «внутри» собственно России. Второй круг - СССР, куда входят и «инородческие» окраины Российской империи, ставшие «союзными республиками», теоретически равноправными с Россией. Третий - громадный круг государств, входящих в «соцлагерь», теоретически полностью независимых и связанных с СССР только партийными узлами и межгосударственными соглашениями, а фактически находящихся в «вассальной» зависимости от Москвы.

Эпоха Сталина - эпоха наивысшего могущества СССР и одновременно предельной интенсивности обоих противоречащих друг другу компонентов осмысления советского государства - национально-русского и интернационалистического марксистского. Сталин мог опираться на русские патриотизм и национализм, на традиционалистскую преданность русских государству, осознававшемуся ими как древнее русское государство, и ему, как великому русскому владыке, усилившемуся в результате войны с Германией. Но одновременно он мог опираться и на преданность миллионов нерусских приверженцев коммунизма и в СССР и за его пределами, которые видели в СССР не древнюю русскую империю, а первое государство

победившего социализма, основанное на братстве народов, а в нем - «Ленина сегодня», вождя «всего прогрессивного человечества», избавившего мир от «коричневой чумы». Такая интенсивность обоих этих компонентов могла сохраняться только недолгое время и поддерживаться лишь громадными военными и внешнеполитическими успехами, как бы легитимизировавшими эту причудливую комбинацию, и жесточайшим террором.

После смерти Сталина, прекращения массового террора и «разоблачения культа личности» интенсивность обоих этих компонентов несколько ослабляется - следующие правители уже и не «классики марксизма» и не новые Иваны Грозные и Петры Первые. Но страстный интернационализм раннего большевизма уже невозвратим, а начавшийся процесс распада «внешней» советской империи, соцлагеря усиливает национальный русский компонент восприятия советского государства.

Территория «соцлагеря», как он сформировался при Сталине, - слишком велика, чтобы она могла реально контролироваться из одного центра. И уже при Сталине в едином пространстве коммунистических государств появились первые трещины - от него отпала титовская Югославия. После смерти Сталина от него отпадают Китай, Албания, Северная Корея, а в оставшихся вассальными СССР центральноевропейских государствах усиливаются национальные движения, и эти государства все больше проявляют самостоятельность как во внутренней, так даже и во внешней политике. Процесс расширения советской империи сменяется процессом ее «сжатия». Он несколько камуфлируется возникновением просоветских государств в ходе распада западных колониальных империй и победой коммунистической революции на Кубе, но идея победы социализма во всем мире и «эсхатологический» компонент в осмыслении СССР практически исчезают. Процесс «деидеологизации» внешней политики, ее «имперского» переосмысления, начавшийся при Сталине, завершается в эпоху Брежнева. СССР теперь мыслится просто великой дер-

жавой, ведущей бесконечную и лишённую какой-либо ясной перспективы борьбу с другими великими державами, прежде всего США - по типу империалистической политики великих держав в XIX - начале XX вв.

При этом постепенный упадок марксистско-ленинской идеологии и некоторое ослабление идеологического контроля приводят к тому, что русский национализм начинает оформляться как относительно самостоятельное идейное течение, стремящееся, как он стремился к этому и в Российской империи, утвердить национально-русский характер государства и ограничить в нем роль меньшинств. И опять-таки, как это было и в Российской империи, центральная власть, стремящаяся по мере упадка официальной идеологии найти для себя новое идейное обоснование и оправдание, все более «поддается» давлению русского национализма.

Русификация продолжается и достигает громадных успехов. Ей способствуют фактическое исчезновение конфессиональных барьеров и сама модернизация общества - практически всеобщая русская грамотность, громадная мобильность населения, все большая потребность в языке «межнационального общения». У многих народов (украинцев, белорусов, многих малых народов СССР) большинство переходит на русский. «Слияние наций», о котором говорила позднесоветская идеология, фактически означало завершение этого процесса, переход других народов на русский язык и их «вливание» в русский. И к концу советской эпохи могло казаться, что это «слияние» не за горами.

Но, как в процессе разрушения Российской империи успехи русификации не смогли компенсировать ослабление традиционалистской лояльности к самодержавию, так и успехи русификации в СССР не смогли компенсировать упадок скрепляющей государство коммунистической идеологии. Как и в царской России, русификация порождает противодействие и националистические движения. В условиях тоталитарного государства возможности открытого националистического протеста против русификации были очень ограниченными

(хотя в брежневскую эпоху они становятся все заметнее). Но ряд структурных элементов, имманентных советскому государству, ограничивал возможности русификации и, наоборот, способствовал прямо противоположным процессам развития из окраинных этносов современных наций, которым становится все более тесной «оболочка» становящегося все более русским союзного государства.

4

Коммунистический интернационализм в СССР был закреплён догматически, был имманентной частью тоталитарной идеологии, неразрывно связанной со всей государственной и общественной системой. Поэтому русско-националистическое переосмысление государства наталкивалось на мощную преграду и не могло быть «доведено до логического конца». Федерализм имел непререкаемое значение и, хотя реальное управление государством было строго унитарным, а федерализм - фиктивным, интернационалистические и федералистские догмы не были просто фикцией. Их поддержание требовало реальных действий.

В СССР проводится колоссальная работа по превращению «ранее отсталых народов» в полноценные «социалистические нации». Фактически это продолжение, но в новой идеологической форме и в значительно больших масштабах той работы, которую в Российской империи совместно проводили русские колонизаторы - строители империи для управления завоеванными народами и эксплуатации их земель и националисты окраинных народов для их просвещения и превращения в современные нации.

Изучаются и кодифицируются языки, создаются словари и учебники, и народы СССР быстро достигают всеобщей грамотности, резко обгоняя в этом отношении и народы, продолжавшие жить в колониальных империях, и многие не европейские народы, сохранившие независимость. Изучается фольклор и записываются народные эпосы. При государственной поддержке создаются и развиваются «социалистические

по содержанию», но все же «национальные по форме» литература, театр, кино, изобразительные искусства, современная музыка. Культивируются, хотя и в уродливых, ущербных формах (при Сталине и позже - при обязательном признании русского превосходства и замалчивании всего, связанного с сопротивлением русскому завоеванию), республиканские патриотизмы. Создаются официальные пантеоны великих людей разных народов, причем эти великие люди, жившие в донациональные эпохи и часто сами не видевшие в себе представителей определенных народов, теперь жестко «приписываются» отдельным нациям.

Государство добивается того, что в каждой республике формируется единый обязательный «набор» атрибутов полноценных «социалистических» наций и государств. В каждой республике есть свои ЦК, верховные советы и советы министров, свои академии наук и творческие союзы, свои театры и филармонии, картинные галереи и исторические музеи, издательства и газеты на национальных языках, свои «классики» литературы и искусства, памятники признанным идеологически приемлемым великим людям прошлого и т.д. и т.п.

Советская власть стремится развивать национальные интеллигенцию, бюрократию и рабочий класс, что диктуется как необходимостью управления, так и идеологическими догмами. Стремление ускорить модернизацию отсталых народов порождает систему привилегий для них (при приеме в вузы, в партию, на работу), которая одновременно является системой дискриминации русских (плата за признание их «старшими братьями»), сохранявшуюся в какой-то мере до самого конца советской эпохи.

И если вначале при Ленине и раннем Сталине, при всем искреннем интернационализме раннего большевизма реально окраинными республиками управляли не национальные коммунистические элиты (национальных просто не было), а присланные Москвой русские и «русскоязычные» люди самого разного этнического происхождения, то затем, несмотря на усиление русско-шовинистических элементов в идеологии

и политике, руководство в республиках прочно переходит к местным национальным кадрам.

Устанавливаются границы союзных и автономных республик. Эти границы и сама иерархия союзных республик и автономий устанавливались в значительной мере произвольно и случайно, поскольку при полной централизации управления в СССР они имели условное и скорее административное значение. Вначале они относительно лабильны, но по мере общего «окаменения» советского государства они становятся неподвижными. Перевод республики в иной статус или присоединение к ней области другой республики, относительно легко осуществлявшиеся при Сталине и еще возможные при Хрущеве, затем полностью прекращаются. Межреспубликанские границы⁴ практически приобретают незыблемость государственных.

Пока сохраняла свое значение коммунистическая идеология и государство управлялось не своими формальными конституционными органами, а стоящим за ними и над ними и подчиняющимся жесткой дисциплине партаппаратом, федерализм оставался «камуфляжем», фикцией. Но постепенный упадок коммунистической идеологии вел к тому, что как во «внешнем круге» империи, в «странах народной демократии» контроль Москвы ослабевал, и их фиктивная независимость постепенно приобретала некоторую реальность, так и внутри СССР своеобразную реальность приобретает советский федерализм.

СССР к концу своей жизни, естественно, не был той федерацией, которую провозглашала Советская Конституция и которая вообще могла существовать лишь на бумаге. Но он уже не был и таким унитарным образованием, каким он должен был быть на основании постепенно становящегося также формальным централизма КПСС. Республиканские власти непрестанно выражали свою преданность идеалам коммунизма, Москве, союзным руководителям и русскому «старшему брату» (прекрасным выражением безудержной лести «старшему брату» является фраза Э. Шеварднадзе, сказавшего, что «для

Грузии солнце встает на севере»). Но удовлетворенная этим и все более стремящаяся лишь к «стабильности» Москва не вмешивалась во «внутренние дела» республик. Фактически национальные республики превращались в нечто вроде «вассальных царств», где правили местные элиты, руководимые несменяемыми рашидовыми, **Кунаевыми, алиевыми**⁵.

При этом реальные, не формальные и скрытые механизмы социальной жизни все более определяются нормами не коммунистической идеологии, а национальных культур, и за фасадом полного советского единообразия все отчетливее проступают национальные различия. Формально общественная жизнь Эстонии подчинялась тем же законам, что и жизнь Туркмении, фактически же внутри СССР складывались совершенно разные общества, которые после его распада пойдут по принципиально разным путям развития и поразительно быстро создадут диаметрально противоположные и устойчивые политические системы.

К концу советского периода «обруч» коммунистической идеологии, скрепляющий государство, предельно ослаб, а степень готовности нерусских наций СССР к самостоятельному государственному существованию, несмотря на все успехи русификации, была уже во много раз выше, чем в момент распада Российской империи⁶. Национальные государства «вылупились» из «советского яйца» уже почти полностью сформировавшимися и жизнеспособными национально-государственными организмами. Поэтому и сам этот распад произошел значительно менее болезненно, чем распад 1917 года.

5

Говоря о подготовленности распада СССР, мы, очевидно, должны различать его объективную подготовленность и субъективную готовность к нему общества. Особенностью распада СССР было сочетание очень высокой степени объективной подготовленности (сама легкость этого распада говорит о том, что СССР не только «созрел» для него, но даже «перезрел») и очень низкой субъективной подготовленности.

Тоталитарное общество (и его руководство, и масса населения) «по определению» не знает себя, у него нет инструментов самопознания. Его болезни и слабости глубоко запрятаны (и него самого. Поэтому как очень больной человек может не догадываться о тяжести своего состояния, так и советское общество, хотя и ощущало «недомогание», и не подозревало, что СССР находился на грани смерти.

В распаде советского государства роль внешнего толчка, который приводит к смерти уже предельно ослабленный организм, какую сыграли при гибели Российской империи Первая мировая война и революция, сыграла «перестройка» - попытка его реформирования и «омоложения», предпринятая Горбачевым⁷. «Перестройка» была попыткой лечить организм, анатомия и физиология которого были неизвестны, и не только реформаторам, но и вообще никому. И, естественно, она столкнулась с абсолютно непредвиденными результатами реформаторских действий и ускорила смерть пациента, который мог еще какое-то время держаться, если бы ничего не менял в своих привычках и образе жизни.

Горбачевская перестройка начиналась под лозунгами «марксистско-ленинской реформации» - возвращения к источникам идеологии, переосмысливавшимся в либерально-демократическом духе («больше социализма» и «общечеловеческие ценности»). И это, несомненно, была единственная идеологическая форма, в которой в советском государстве могли совершаться либеральные и демократические реформы. Но за семьдесят лет своего господства когда-то живая и способная возбуждать страстную веру большевистская идеология превратилась в набор механически повторяемых и полностью утративших смысл формул. Вдохнуть в них жизнь было уже невозможно. Поддерживать их можно было только страхом и, как только страх ослаб или исчез, стала стремительно исчезать и сама марксистско-ленинская идеология, реальных приверженцев которой, как оказалось, практически не было даже в ЦК КПСС. Перестройка быстро переросла в революцию и распад советского государства.

В тоталитарном государстве в условиях тотального контроля КГБ не могло возникнуть сколь-либо продуманных революционных идеологий и жизнеспособных революционных организаций со своими программами общественного переустройства. Идеологический вакуум стремительно заполняется двумя «лежащими на поверхности» идеями. Во-первых, доминирующими в современном мире идеями демократии и рынка, во-вторых, «естественной» идеологией национализма, вступающими друг с другом в разные комбинации.

Во «внешней империи» СССР, соцлагере коммунистические режимы, в основном импортированные из СССР. В этих странах векторы национализма - стремления к полной государственной самостоятельности и освобождения от контроля Москвы, антикоммунизма и демократизма («возвращения в Европу») более или менее совпадали. Поэтому режимы, держащиеся лишь на страхе советских вторжений, исчезают в результате серии «бархатных революций», как только исчезает этот страх, и центральноевропейские страны быстро встают на путь демократического и рыночного развития и интеграции в западные структуры⁸.

В национальных республиках СССР горбачевская либерализация вызывает к жизни ряд национал-демократических и националистических движений - как сепаратистских (прежде всего - в относительно поздно присоединенных к СССР республиках Балтии и Молдове и в Западной Украине) и «полусепаратистских», стремившихся к достижению реальной автономии и прекращению русификации, так и направленных не столько против центра, сколько против других народов СССР, но также расшатывавшие единство государства (армяно-азербайджанский конфликт, национальные конфликты в Грузии и странах Центральной Азии). Эти движения не представляли собой смертельной «физической» угрозы для государства и могли быть подавлены силой. Но их подавление означало бы конец предпринятой Горбачевым либерализации и демократизации, и центр на него не идет⁹.

Но по мере ослабления центра, роста «низовых» национа-

листических движений и опасностей, исходящих от неконтролируемых, революционных процессов в России, республиканские номенклатурные элиты даже в тех республиках, где не было сильных национально-демократических движений, сами все более склоняются к сепаратизму. Республиканские власти быстро шли к осознанию того, что в их руках есть механизмы, позволяющие им контролировать их страны, и что независимость и отказ от коммунистической идеологии (в которую они уже практически не верили) принесут им и освобождение от контроля Москвы, и освобождение от угрозы со стороны своих националистов, лозунги которых они, таким образом, перехватят, и защиту от неконтролируемых процессов, происходящих в России и других республиках, и резкое повышение социального статуса. Сохранение власти сложившихся внутри советского государства национальных элит требовало разрушения этого государства.

«Советская империя» разрушалась не только процессами в национальных республиках, но и процессами, происходившими в русском обществе.

В России Горбачев сталкивается с антикоммунистическим демократическим движением во главе с Ельциным, которое смогло сначала захватить руководство российским съездом народных депутатов, а затем добилось победы на референдуме об учреждении поста президента России и победы своего лидера на президентских выборах. После этого конфликт российской демократической оппозиции и Горбачева принимает форму конфликта российских и общесоюзных органов власти. Россия сама становится антисоюзной и «сепаратистской».

В России, «ядре» советской империи, не могло быть того совпадения векторов национализма, антикоммунизма и демократизма, который был у народов Центральной Европы. Здесь коммунизм не был «импортирован» и не был символом подчинения инонациональному центру. Напротив, именно в коммунистическую эпоху, при Сталине, Россия достигает исторического пика своего могущества. Демократия никак не могла в русском сознании быть той национальной нормой, от которой

страна отошла в результате внешнего воздействия и к которой теперь она возвращается. Она представляла собой угрозу для русского национализма, поскольку порождала центробежные силы и вела к распаду государства, в котором русские занимают доминирующее положение. Тем не менее и в России в период перестройки возникла не прочная, но сыгравшая громадную роль в разрушении СССР смычка демократизма и русского национализма.

Идеология антикоммунистического «демократического» движения в «перестроечной» России очень аморфна. Это движение объединяет самые разные элементы, и сознание его руководителей и участников в значительной мере эклектично. В нем есть реально демократический, «антиимперский» компонент. Но с ним сочетается и русско-националистический, шовинистический компонент. Одним из важнейших элементов агитации Ельцина и демократов является утверждение, что Россия эксплуатируется союзным государством, что ее ресурсы перекачиваются в нерусские окраины и что в СССР она неполноправна (нет своей академии наук, своего ЦК). Насколько эти идеи российских демократов были искренни, а насколько просто демагогией, сказать невозможно. Но политически они были очень выгодны. Выдвигая их, демократы солидаризировались со стихийным национализмом широких народных масс и с противниками горбачевского либерализма из противоположного, «имперского» и русско-шовинистического лагеря, фактически создавая с ними единый антигорбачевский фронт. Без поддержки этих, совсем не демократических сил, победа демократов в России была бы невозможна.

Русский национализм, естественно, не стремился к разрушению СССР (как раньше он не стремился к разрушению Российской империи), он стремился лишь к тому, чтобы СССР стал государством, где русское доминирование было бы открытым и безусловным. Но идея эксплуатации русских меньшинствами и их неполноправия в СССР была близка русским националистам (это старая идея, которую выдвигали еще славянофилы XIX века и в которой был элемент истины, ибо

сохранение империи, действительно, требует жертв от «главного» народа этой империи) и русскому массовому сознанию к целом. Русский национализм не мог не поддерживать создания российского президентства (у других республик уже есть свои президенты, неужели русские хуже) и борьбы за «интересы России» против союзной власти. Очень характерно, что первым мысль о возможности выхода России из состава СССР озвучил не кто-либо из демократов-«западников», а русский националист писатель В. Распутин (в его представлении это была абсолютно немыслимая перспектива, выдвижение которой должно было напугать националистов союзных республик и заставить их прекратить свои нападки на СССР и русских).

И здесь русский национализм «попадает в ловушку» - его борьба за «величие России» способствовала разрушению того государства, в рамках которого Россия только и могла быть «великой». Если бы союзный центр имел за собой поддержку России, он бы еще мог как-то справиться с сепаратизмом окраинных республик. Но без такой поддержки и, столкнувшись с сепаратизмом самой России, он уже ничего сделать не мог.

СССР быстро распадался в результате совместных усилий самых разнообразных сил. Но только некоторые и далеко не самые мощные сознательно и целенаправленно стремились к его разрушению⁹. Даже Ельцин и его ближайшие соратники, упорно боровшиеся с союзным центром и призывавшие голосовать на референдуме против СССР, не имели никаких ясных идей о будущем Союза. Борьба с горбачевским союзным руководством была для них прежде всего не идейной борьбой с империей, а борьбой за власть, в которой они готовы были использовать самые разные лозунги и самых разных союзников. Поэтому, когда после августовского путча ГКЧП стало ясно, что центр предельно ослаб и больше не представляет для них угрозы, а нерусские республики готовы к отделению, у Ельцина и его сподвижников возникла идея, что они могут «перехватить» союзную власть. Тогда они стали угрожать союзным республикам территориальным переделом и фактически войной, если они выйдут из Союза (что, естественно, лишь спо-

собствовало усилению их сепаратистских стремлений). Идея беловежских соглашений, положивших конец существованию СССР, возникает у российских лидеров (и, очевидно, «подбрасывается» им украинским президентом Л. Кравчуком) в самый последний момент. Можно сказать, что эти соглашения буквально «свалились на голову» не готовому к ним народу.

«Соцлагерь», СССР и РСФСР с ее автономиями - это разные концентрические «круги» единого «имперского» пространства, скреплявшегося коммунистическими идеологией и партией. И распад этого пространства - единый процесс. События в Прибалтике, в Украине, на Кавказе были прямым продолжением «бархатных» революций в странах Центральной Европы. Но и события в Чечне или Татарстане - тоже части этого единого процесса.

Распад не мог остановиться на границах РСФСР. Национальные движения в горбачевский период охватывают не только народы союзных республик, но и народы автономий. А распад СССР резко усилил сепаратистские устремления автономий. Чеченцы и другие народы не могли смириться с тем, что установленная Сталиным произвольная иерархия наций и статусов их национальных образований и «гримасы международного права» обрекают их на вечное пребывание в составе некогда завоевавшей их России, и они не имеют права на ту независимость, которую с распадом СССР получили народы союзных республик (даже те, которые за нее не боролись и ее не хотели). Кроме того, народы автономий просто боялись остаться в составе государства, которое после распада СССР становится значительно более национально однородным, где они будут не в громадной «толпе» разных народов, но лицом к лицу с подавляющим русским большинством. (Абхазы и осетины также боялись остаться в Грузии, а русские и гагаузы - в Молдове.) Автономии объявляют о своем суверенитете и о том, что отныне их отношения с Россией будут строиться на договорных принципах.

За несколько лет Россия потеряла все свои вековые приобретения и сузилась почти до земель с русским этническим

большинством, до национального русского государства. Эта, говоря словами Путина, «крупнейшая геополитическая катастрофа» произошла с поразительной легкостью, почти бескровно и одновременно совершенно неожиданно, «само собой». «Советская империя», на сто процентов защищенная ракетами от любой угрозы извне, а КГБ - от любой попытки революции «снизу» и сепаратизма изнутри, пала не в результате военного поражения и не в результате длительной борьбы пародов за освобождение. Но она пала и не в результате сознательного отказа от империи главной, «имперской» нации. Распад произошел по непонятным для подавляющего большинства причинам. И он произошел настолько легко и быстро, что население (прежде всего - русское) просто не могло поверить, что это действительно факт, что государство, создававшееся веками и просуществовавшее века, действительно окончательно погибло. «Несерьезность» акта роспуска СССР (где-то в Беловежской пуще собрались три человека и в одночасье «за поллитра» все решили) выглядела анекдотически и не позволяла осознать действительное значение этого события. Это во многом определило специфику русского «постимперского синдрома».

6

В ходе распада СССР, как и в ходе распада Российской империи, история как бы расставила серию ловушек для представителей разных идейных течений и настроений российского общества. Стремление русских националистов утвердить национально русский характер союзного государства и их демагогические высказывания о том, что обижаемая Россия может сама выйти из СССР, привели к совершенно не предвиденным ими и нежелательным следствиям. Демагогия неожиданно стала реальностью, и великое государство, которое казалось им недостаточно русским, вообще исчезло.

Но и российские демократы-западники тоже попали в «ловушку», аналогичную «ловушке», в которой раньше оказались большевики-интернационалисты. Власть досталась им

очень легко. Практически уже умершая коммунистическая идеология не оказала сколь-либо серьезного сопротивления. Но путь, которым они пришли к власти, не был демократическим. Беловежские соглашения (а именно они, а не избрание Ельцина президентом России, означали окончательный приход российских демократов к государственной власти), очевидно, противоречили стремлениям большинства населения России, нашедшим выражение в результатах референдума марта 1991 г. Народ не был убежден (никто даже не спросил его согласия) - он был просто слишком растерян и всей своей историей лишен способности к самоорганизации и сопротивлению.

Здесь и была ловушка. Пойдя на ликвидацию союзного государства, на которое у Ельцина и его соратников не было никакого народного «мандата», которое явно противоречило желаниям большинства русских и представляло собой абсолютно не демократический акт - судьба страны была решена без каких-либо «консультаций» с ее населением, - правящая российская группа, даже если бы хотела, уже не могла допустить демократических выборов и своего ухода из власти. Оппозиция уже просто не могла не взять на вооружение лозунгов «национального предательства», и угроза потери власти стала для правящей группы угрозой суда и тюрьмы¹⁰.

Путь демократического развития, основанного на ротации власти, закрылся в момент самого возникновения нового российского государства, провозгласившего демократические принципы. Зато открылся удобный и легкий путь «строительства авторитаризма», восстановления привычных для российского общества отношений между властью и готовым подчиняться и принять эту власть как данность народом.

Победа российских демократов стала возможной лишь в результате их фактического отказа от демократии, к которой российское общество, не имеющее никакого демократического опыта, готово не было. Да и сами демократы были органической частью этого общества. Их идейный протест против советской власти принял демократическую форму, ибо идеи

демократии господствовали в мире и представляли собой естественную идейную форму борьбы с коммунистической системой. Но их восприятие демократии могло быть лишь очень поверхностным и искаженным.

Быстрая и легкая победа демократов оборачивается столь же быстрым поражением демократии. Проведенные еще при союзном «советском» государстве выборы президента России, принесшие победу Ельцину, были реально альтернативными и честными выборами (хотя и не выборами главы независимого государства). Но это были первые и последние такие выборы. В независимой России, в которой победили демократы, таких выборов уже больше не будет. Сразу же после провозглашения демократического государства Россия встает на путь построения «управляемой демократии» - имитирующего демократические процедуры режима личной власти назначающих себе преемников президентов.

Происходит быстрая традиционализация новой власти. На новом этапе, «витке спирали», и в новых формах повторяется тот же процесс, который разворачивался при победе большевиков. Как после революции 1917 года в новом идейном облачении вернулось традиционное для России авторитарное правление, так оно возвращается, хотя и в более мягкой и «закамуфлированной» форме и после революции 1991 года. И как это было при создании Советской власти, традиционалистское сознание вскоре с удивлением и радостью обнаруживает, что изменились внешние формы, но «Россия остается Россией». И чем больше лояльности носителей этого сознания вызывает новый режим, тем более они преобразуют его в соответствии со своими привычками и представлениями. А чувства, которые сейчас при втором президенте независимой России - Путине, охватывают искренних демократов «образца 1991г.» совершенно аналогичны чувствам, охватывавшим искренних большевиков «образца 1917г.» при втором правителе советской России - Сталине.

Аналогичные и взаимосвязанные процессы происходят и в сфере отношений нового русского государства с другими на-

родами и государствами. Как российское общество не было готово к демократии, так оно не было готово к неимперскому существованию и неимперской политике. Авторитарный режим и империя, роль «главного» народа в многонациональном государстве и союзе государств - две стороны привычной, сохранявшейся веками формы русского национального существования, те «привычки», для изживания которых нужно очень много времени и много потрясений (больше времени, чем уже прошло, и больше потрясений, чем уже испытало российское общество).

Россия относительно легко и просто отказалась от идеологически мотивированной борьбы с «миром капитализма» - фактически такая идейная мотивация исчезает уже в брежневскую эпоху, и формальный отказ от нее лишь завершает предшествующую эволюцию. Но это ведет лишь к «архаизации» внешнеполитического мышления, к возвращению «досоветской» империалистической картины мира - мира, в котором все народы и государства ведут борьбу за «сферы влияния» и стремятся подчинить себе других. Возможность иного типа отношений между народами и государствами, кроме доминирования или подчинения, и иных целей национальной политики, кроме достижения доминирования и избежания подчинения, современным российским сознанием практически просто не воспринимается. Российское сознание было готово признать, что «Россия потерпела поражение в холодной войне», но естественным стремлением потерпевшего поражения является «подняться с колен», что понималось как борьба России за сохранение и возвращение великодержавного статуса (фраза: «Россия была, есть и будет великой державой» повторялась разными политиками бесконечно, как заклинание) и своей сферы влияния.

Поэтому как с момента провозглашения демократического российского государства начинается его трансформация в авторитарную «управляемую демократию», так с момента распада империи начинается борьба за ее восстановление. Те же люди, которые сами активно способствовали разрушению «со-

нстской империи», тут же, без «задержки на переосмысление», начинают пытаться ее восстановить. Те же люди, которые провозгласили идеи демократии и видели в западных демократиях своих союзников, тут же начинают борьбу с расширением западных союзов - союзов демократических государств для защиты демократии. Те же, кто только что призывал «брать столько суверенитета, сколько можете проглотить», с невероятной жесткостью подавляют чеченский сепаратизм.

Мы говорили о трех концентрических кругах советской империи - собственно Российская федерация, включающая автономии, СССР и «соцлагерь». Но это единая система, единая империя, реальные отношения, в которой не определялись международно-правовым статусом входящих в нее стран. Поэтому и распад советской империи не сводится к распаду СССР. Это процесс, начавшийся с дезинтеграции соцлагеря, затем перекинувшийся на СССР и разрушивший его и продолжавшийся внутри Российской федерации.

Но соответственно и борьба за удержание и восстановление империи ведется во всех этих трех «кругах». В формальном правовом аспекте политика России в отношении Чечни и других автономий - «внутренняя» политика в отношении Грузии - «внешняя» (в 90-е гг. Россия стремилась выделить нерусские республики бывшего СССР в особую категорию «ближнего зарубежья», политика в отношении которого - как бы не совсем «внешняя»), а политика в отношении Ирака или США - «совсем внешняя». Но это формальное и аналитическое разграничение, ибо мотивация и цели политики во всех этих сферах - общие.

Такие внешне разнородные явления, как борьба России против расширения НАТО, ее борьба за укрепление СНГ, ее войны с чеченскими сепаратистами, запрещение татарам переходить на латинский алфавит и переход к системе назначения глав «республик в составе Российской федерации» - это разные проявления одного и того же стремления задержать и ограничить распад «имперского пространства», зафиксировать и интегрировать его как зону российских, русских влияний и власти, разные аспекты одной политики.

Эта единая политика не исходит из какой-то ясной и продуманной концепции, так же как и построение «управляемой демократии» не исходит из какой-то ясной идейной концепции. Скорее здесь действуют «инстинкты» и привычки. Но эти инстинкты и привычки - всеобщие и устойчивые и они придают российской политике определенную структурированность и целенаправленность (даже в ситуации, когда, как это часто было в начале ельцинского правления, решения по важным внешнеполитическим вопросам могли приниматься независимо друг от друга разными российскими властными субъектами).

7

Важнейшей задачей новой российской власти становится укрепление своего контроля над территорией собственно России и пресечение распространения движений за независимость с союзных республик на российские автономии. Борьба за сохранение внутрirosсийских «остатков империи» облегчается их международно-правовым статусом, делающим политику в отношении их «внутренним делом» России, и соотношением сил - в составе России остались только относительно маленькие народы, земли большинства которых не имеют выходов к морю и внешним границам России.

Переход от признания «права наций на самоопределение» и идеи федеративной России, строящей свои отношения с народами бывших автономий (они стали называться «республиками в составе Российской Федерации») на основе добровольных договоров к политике унитарной «единой и неделимой России» происходит в течение нескольких лет.

В марте 1992г. заключен Федеральный договор, который декларирует целостность «исторически сложившегося государственного единства народов Российской Федерации». Договор не подписывают две провозгласившие независимость республики - Чечня и Татарстан. Конституция 1993 г. фиксирует сосредоточение власти в руках президента и фактически отменяет федеративный договор, ссылок на который она не содержит.

В 1994 г. начинается первая чеченская война и заключается договор о разграничении полномочий с Татарстаном - действия, направленные на то, чтобы разными путями (мирным и дипломатическим в отношении татарского и силовым в отношении радикального чеченского сепаратизмов) вернуть эти республики в российское государство. Неудача первой чеченской войны и заключение Хасавюртовского мира воспринимается как унижение России и появление реальной опасности потери всех нерусских земель. Преемник Ельцина Путин уверен, что, если не подавить Чечню, сепаратизм пойдет «вверх по Волге», и России придется еще раз «сжаться». Ликвидация уже «полупризнанной» чеченской независимости становится важнейшей «национальной задачей» России. После недолгой передышки начинается вторая чеченская война, положившая конец независимой чеченской государственности и превратившаяся сейчас в расплзающуюся по всему Северному Кавказу «вяло текущую» войну с партизанами и террористами.

Ликвидация чеченской независимости позволяет предотвратить новые сепаратистские выступления и перейти к новой стадии процесса превращения России в унитарное централизованное государство и российского федерализма в конституционную фикцию.

Второй президент России Путин предпринимает целую серию мер, направленных на централизацию власти и фактическую ликвидацию прав автономий. Создается система административных округов во главе с назначенными президентом чиновниками, в результате чего еще совсем недавно считавший себя «суверенным» Татарстан оказывается в подчинении даже не Москве, а сидящему в Нижнем Новгороде «наместнику». Законодательство «субъектов федерации» и, прежде всего, естественно, национальных республик в составе России «приводится в соответствие» с общероссийским. Новый порядок формирования верхней палаты российского парламента лишает и избранных губернаторов русских областей и «президентов» национальных республик депутатского иммунитета, а затем они начинают вообще назначаться российским прези-

дентом при формальном одобрении их кандидатур местными законодательными собраниями. Некоторые национальные образования объединяются с русскими регионами. Сейчас уже невозможно говорить о России как федерации, и этот термин постепенно исчезает из официального языка.

Эти процессы имеют и свое идеологическое выражение. Становящаяся все более традиционной новая российская власть все более осознает себя как наследницу царской (и отчасти советской, но не в ее марксистско-интернационалистическом, а в ее имперском аспекте) власти и как русскую национальную власть. В какой-то мере роль если не национальной идеологии, то символа этой идеологии начинает играть приобретающее официальный характер православие. Новый общегосударственный праздник - 4 ноября, годовщина изгнания поляков, имеет специфически русское и традиционалистско-монархическое значение. Запрет татарам (и всем нерусским народам) отказываться от русского алфавита означает возвращение старой политики символической «алфавитной» русификации. Вновь говорится о «консолидирующей роли русского народа».

На новом «витке спирали» Россия воспроизводит на своей «урезанной», сжавшейся территории принципы управления и самосознание, сложившиеся в Российской империи и СССР.

«Унитаризация» России и авторитарное перерождение президентской власти неотделимы друг от друга, это разные аспекты единого процесса. Если власть с самого начала ставит своей задачей обеспечение своей «безальтернативности», она не может допустить реального федерализма и реальных прав национальных республик, как она вообще не может допустить свободной игры политических сил в рамках единой правовой системы. Безальтернативное президентство также несовместимо ни с каким реальным, в том числе и федеральным, разделением властей, как с ними было несовместимо правление КПСС. И наоборот, стремление во что бы то ни стало приостановить процесс «сужения России» естественно ведет к ограничению и фактической ликвидации демократических

институтов. В Чечне или Татарстане действительно свободные выборы означали бы свободу сепаратистской агитации. Но невозможность свободных выборов в каких-то частях единого государства означает их невозможность вообще.

Как российское самодержавие и российская континентальная империя были неотделимы друг от друга, так неотделимы друг от друга сохранение внутрироссийского «остатка империи» и авторитарный характер российской власти.

8

Та же политика, направленная на сохранение всего, что осталось, и восстановление всего, что можно восстановить из пространства империи, которая внутри России приводит к чеченским войнам и «унитаризации» российского государства, на внероссийском постсоветском пространстве выражается в борьбе за новую интеграцию этого пространства вокруг России.

Традиционалистское, архаическое понимание «естественных» задач нации и государства предполагало стремление к пространственному расширению. Но это пространственное расширение могло принять две разные формы.

Россия могла попытаться расшириться, как национально-русское государство, отнять у бывших «братских республик» пограничные земли, заселенные в основном русскими (как к этому призывал Солженицын и как этим угрожали российские лидеры в период между августом и декабрем 19-91г.). Тем более что при распаде СССР возникли естественные «ирредентистские» настроения и движения среди русских, живших в нерусских республиках СССР, неожиданно оказавшихся в чужих национальных государствах и в роли национальных меньшинств. Но, хотя поддержка таких движений в российском обществе была, в целом Россия по этому («сербскому» или германскому «поствеймарскому») пути не пошла¹¹. Поддержка русских за рубежом не стала сколь-либо значимым аспектом российской внешнеполитической активности.

Причин этому много. Политика, направленная на территориальный передел, могла бы привести к серии войн типа югославских, чего российская верхушка и российское общество просто боялись. В этой ситуации Россия оказалась бы под страшным давлением «мирового сообщества», стоящего на позиции нерушимости границ, боящегося войны на территории, где сосредоточены громадные ядерные силы, и приветствовавшего, несмотря на ее сомнительную справедливость, беловежскую юридическую формулу распада СССР по границам республик. Выдвижение идеи объединения русских земель могло усилить сепаратизм нерусских народов в самой России (как в Югославии поддержка Сербией сербского ирредентизма в Хорватии и Боснии способствовала подъему косовского сепаратизма). Но, очевидно, главной причиной была другая.

Борьба за присоединение населенных русскими пограничных территорий была бы не борьбой за империю, за доминирование России и русских в некоем объединении народов и государств, а борьбой за расширение русского национального государства. Но традиционная, привычная для России форма существования - это не национальное однородно русское государство, которого в русской истории просто никогда не было, а положение русских как «главного» народа в многонациональном государстве или союзе государств. Расширение национальной территории не могло дать того психологического удовлетворения, какое могло дать сознание, что Россия все равно центр какого-то объединения, «главное государство» в каком-то союзе. И как ни склонно народное (и элитарное) сознание не видеть логических противоречий, когда речь идет о национальных и внешнеполитических задачах, российское общество и элита все же понимали, что нельзя, например, одновременно требовать у Украины Крым и ожидать, что она будет верным союзником, признающим Россию «старшей сестрой». Стремление к расширению территории слишком очевидно противоречило стремлению к сохранению и расширению «зоны влияния»,

и это второе стремление было значительно сильнее. Поэтому российское стремление к расширению приняло не форму территориальной экспансии, а форму борьбы за сохранение постсоветского пространства, как пространства российского доминирования. Тем более что распад СССР совпал с созданием организации, объединяющей постсоветские республики, СНГ, в которое вошли все республики, кроме балтийских, и которое представляло собой как бы организационное оформление зоны российского влияния.

Беловежские соглашения преподносились российской официальной пропагандой не столько как соглашения о ликвидации СССР, сколько как соглашения о создании союза на новых основаниях, в котором, естественно (это подразумевалось), главенствовать будет Россия. Говорилось даже, что СНГ сможет расширяться за пределы бывшего СССР. Создание СНГ камуфлировало факт распада СССР, который представлялся не распадом, а преобразованием, которое в будущем может даже привести к новому расширению. И камуфлировало не только для народа, но и для самого российского руководства, сознание которого не могло принципиально отличаться от массового.

Представление о том, что русские - естественные «старшие братья» для всех народов СССР (как и представления об «имманентной» России роли великой державы), настолько глубоко вошло и в элитарное, и в массовое русское сознание, что распад СССР просто не воспринимался как появление принципиально новых отношений между действительно независимыми государствами. Доминирующее российское представление о будущих взаимоотношениях на постсоветском пространстве выражалось формулой: «Никуда не денутся». (И именно поэтому категорически отказавшиеся войти в СНГ и наглядно доказывавшие, что «дется» есть куда, балтийские страны стали вызывать в российском обществе особое раздражение.) СНГ воспринималось как СССР в новой инкарнации, как сам СССР до этого воспринимался как новая инкарнация Российской империи.

В некотором роде СНГ и было такой реинкарнацией, последней организационной формой существования (и последней стадией распада) российского имперского пространства. Даже если отвлечься от генезиса этого пространства и связанных с ним исторической памяти и привычек к определенному имперскому типу отношений между населяющими его народами, сама его конфигурация (громадная Россия в центре и относительно маленькие и слабые страны по ее периферии) исключает возможность создания на нем объединения национальных государств, основанного на равноправных отношениях¹².

Естественно, что если даже в СССР республики были теоретически равноправны, то СНГ тем более теоретически - союз равных, и российское доминирование в нем не могло быть формально закреплено¹³. Но опять-таки, как и в СССР, в СНГ формально равноправный союз скрывал доминирование «главной» республики («союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь»), которая одновременно (опять-таки, как и в СССР) была вынуждена «платить» за сохранение единства союза, с которым связывалось поддержание ее великодержавного статуса.

Как формальная равноправная организация СНГ было также с самого начала нежизнеспособно, как с самого начала была невозможной формально зафиксированная в конституциях организация СССР. Но формальная организация - лишь прикрытие реальных отношений. Российское имперское пространство, поскольку оно едино, может быть лишь пространством, объединенным Россией и вокруг России, и СНГ, поскольку оно представляло собой некое целое, могло быть лишь «российскоцентричной» организацией, последней исторической формой существования единого пространства Российской империи. И борьба России за сохранение и укрепление СНГ - это борьба за сохранение российского доминирования на этом пространстве.

Ресурсы России в этой борьбе были относительно ограничены. Новая международная и международно-правовая ситу-

ация исключали возможность насильственной инкорпорации новых государств в какой-то возглавляемый Россией союз. Россия не имела и такого мощного идейного оружия, какое возникло у нее в период разрушения Российской империи - коммунистической идеологии. Она не могла предложить, как советская Россия, народам СНГ программы их национально-го строительства. Вообще борьба за СНГ не имела никаких идейных оснований, кроме смутных представлений о мире как об арене борьбы за «сферы влияния».

На постсоветском (постимперском) пространстве России противостоят уже не эфемерные и никем не признанные образования, не имеющие ясных границ и населенные народами с только зарождающимся национальным самосознанием, как в 1917-1920 гг., а достаточно сформированные и имеющие признанный международный статус независимости национальные государства. Тем не менее определенные ресурсы для сдерживания процессов распада на территории СНГ и для интеграции постсоветского пространства у России были.

Россия оставалась на постсоветском пространстве самым мощным государством, по численности населения, размерам территории и природным ресурсам значительно превосходящим любую другую страну. Экономически новые государства были «привязаны» к более мощной российской экономике, зависели от российских поставок и российского рынка. Россия не должна была, как другие республики, практически «с нуля» создавать армию и дипломатическую службу, которые достались ей в наследство от СССР¹⁴. В ней осталось большинство общесоюзной бюрократии и перебивавшейся в советский период в центр интеллигенции из других республик. Русская «диаспора» в странах СНГ, естественно, ориентированная на Россию, была грандиозной, сконцентрированной прежде всего в городах (и особенно в столицах новых государств) и игравшей громадную роль в экономике, культуре и аппарате управления. Офицерский корпус в армиях многих новых государств, прежде всего в Центральной Азии, был в основном русским. Русский язык безоговорочно господствовал на всем

постсоветском пространстве как «язык межнационального общения»¹⁵. Республиканские элиты были в значительной мере русифицированы и жили в мире русской культуры. Многие их представители просто не знали языков своих народов и говорили только по-русски. Российские СМИ везде были более популярны, чем республиканские. Сохранялась значительная психологическая зависимость новых стран от России, привычка к ее главенству, к тому, что самые важные вопросы решаются в Москве и так, как хочет Москва, и представление о том, что Россия - всегда и во всем впереди, и решая свои проблемы, надо прежде всего смотреть, как аналогичные проблемы решаются в России. Государства, с которыми имеет дело Россия, хотя и неизмеримо более устойчивые и жизнеспособные, чем национальные государственные образования периода революции 1917 года и гражданской войны, но все же - слабые, раздираемые противоречиями (как межгосударственными, так и внутренними), не освоившиеся с новой ситуацией.

Россия использует трудности и слабости республик СНГ, чтобы привязать их к себе. Так, она активно способствовала свержению национал-демократических лидеров Грузии и Азербайджана, не намеренных вступать в СНГ, и возвращению к власти старых советских руководителей этих стран, которые воспринимались как «пророссийские» и действительно «вернули» в СНГ свои республики. Она активно вмешивается в гражданскую войну в Таджикистане и приводит здесь к власти пророссийскую «партию». Россия поддерживала сепаратистов в Грузии и Молдове и способствовала отделению от этих стран непризнанных сепаратистских образований, полностью зависящих от России и фактически оккупированных российской армией («миротворческими силами»), одновременно добившись согласия беззащитной и обессиленной Грузии на создание российских военных баз на ее территории.

В армяно-азербайджанской войне Россия поддерживала поставками оружия и даже людской силой обе воюющие стороны¹⁶, создавая ситуацию, когда военные возможности и армян,

и азербайджанцев полностью зависели от согласия России на очередные поставки. Руководствуясь обычным имперским принципом «разделяй и властвуй», она стремилась не разрешить конфликты между республиками и между центральными властями республик и сепаратистскими образованиями, а «заморозить» их, зафиксировав на неопределенное будущее свою роль «миротворца» и «посредника», «арбитра».

Официальная Россия не доводила до логического конца поддержку русских сепаратистских и ирредентистских движений и не пыталась присоединить населенные русскими земли (хотя призывы к этому, особенно в отношении Крыма и Севастополя, «города русской славы», раздавались в российском обществе постоянно). Но она использовала эту возможность как постоянную угрозу, а свою заботу о правах русских как средство давления.

Она использовала для привязывания к себе республик их экономическую зависимость от поставок российских энергоносителей, а республик, добывающих нефть и газ, - от российских трубопроводов.

Естественно, что отношение правителей стран СНГ к России было «сложным». Страх перед Россией побуждал их постоянно говорить о своей преданности идеям интеграции, верности СНГ и глубоких чувствах к русскому народу. Поскольку для российского руководства и российского общества в целом подобные заверения имели громадную психологическую ценность, Россия готова была платить за них, и такие президенты, как белорусский Лукашенко, стали извлекать из своей интеграционистской риторики колоссальную экономическую выгоду. Однако ясно, что подобные отношения для президентов и правящих кругов новых государств были тягостны и зачастую просто унижительны.

Глубокие культурные связи большинства народов бывшего СССР влекут их за пределы постсоветского пространства, тюркские народы - к Турции, таджиков - к Ирану, молдован - к Румынии. Но главным естественным центром притяжения для республиканских элит является Запад. Своих детей их

представители отправляют учиться не в МГУ, а в оксфорды и гарварды, деньги они хранят в западных банках. От Запада, а не от России идут капиталовложения в наиболее важные стратегические проекты и передовые технологии. В экономическом плане для большинства стран Россия - конкурент в борьбе за западные рынки. Поэтому и естественное стремление освободиться от российской опеки и от страха перед Россией, и соображения статуса и престижа, и экономические соображения толкали республиканские власти в западном направлении. Но здесь вступал в действие очень мощный фактор, препятствующий западной ориентации политики стран СНГ и привязывающий их к России.

Этот фактор связан с природой возникших в странах СНГ политических режимов. Во всех этих странах (за исключением Молдовы) устанавливаются однотипные с российским режимы «имитационной демократии», во главе которых вступают представители советской номенклатурной элиты. Часто это - те же самые люди, которые стояли во главе республик в конце советской эпохи. Эти правители стремятся сохранить свою власть, а затем передать ее избранным им наследникам, используя не правовые, но имитируемые как правовые и демократические, методы - избирательные кампании, в которых оппозиция не имеет доступа к избирателям, фальсификацию результатов выборов и референдумов и т.д. При этом они не могут рассчитывать на поддержку стран Запада (даже если Запад из «геостратегических» соображений может закрывать глаза на очевидно неправовой характер этих действий, он не может их прямо одобрять и поощрять), но всегда могут положиться на полное понимание и поддержку России и своих собратьев по СНГ.

Поэтому каждый раз, когда возникают какие-то внутренние опасности, правители обращаются за помощью в Москву. Так было во всех случаях выборов или референдумов о продлении власти и особенно в критических ситуациях передачи власти - когда азербайджанский Г. Алиев передавал власть сыну и когда украинский Л. Кучма стремился передать власть

Януковичу¹⁷. Характер режимов стран СНГ действует таким же мощным ограничителем западной и вообще «центробежной» ориентации, как в свое время природа режимов коммунистических стран Центральной Европы ограничивала аналогичные прозападные поползновения правителей типа Чаушеску.

Помощь России в борьбе президентов с оппозициями и с давлением Запада, направленным на демократизацию и либерализацию режимов постсоветских стран, является важнейшим фактором сохранения этих режимов и одновременно сплочения СНГ, которое стало как бы возглавляемым Россией «священным союзом» президентов против оппозиций.

9

Политика в «дальнем зарубежье» определяется теми же интересами российской власти и тем же пониманием этой властью российских «национальных интересов», что и политика в «ближнем зарубежье» и внутри России.

Поскольку идеологический коммунистический фактор во внешней политике почти исчез уже в позднесоветское время и она фактически уже тогда мотивировалась представлениями о вечной борьбе «центров силы» за «зоны влияния», степень преемственности российской и советской внешней политики колоссальна. Ни отказ от коммунистической идеологии, ни «геополитическая катастрофа» не повлекли за собой никакого радикального переосмысления внешнеполитических целей. Представление о том, что любое расширение западного влияния - это сокращение российского, также пережило распад соцлагеря и СССР, как в свое время геополитические представления европейских держав пережили катастрофу Первой мировой войны. В громадной мере эта преемственность основных направлений внешней политики связана с преемственностью кадров в российской элите - дипломаты типа Примакова или бывшие советские, а теперь российские генералы просто продолжали делать то, что они делали всю жизнь.

Поскольку Россия (как и СССР, особенно в период его упадка) воспринимает страны Запада как страны безоговорочно высокого статуса, для нее очень важно подтверждение Западом статуса России как великой державы, «партнера» великих демократических стран¹⁸. Громадное значение Россия придавала вступлению в «семерку» и превращению ее в «восьмерку». Этот «статусный» аспект международной политики России, несомненно, используется западными лидерами, и в определенной мере стремление к западному подтверждению статуса сдерживает другое имманентное российской политике стремление.

Это стремление противодействовать этим же самым странам и прежде всего США в расширении их «сферы влияния». При этом стремление западных стран к распространению демократических институтов воспринимается как камуфляж их истинных «геополитических» целей, которое в конечном счете может угрожать и самой России - разрушением установившейся в ней политической системы, ее «расчленением» и утратой ею самостоятельности, включением ее самой в западную «сферу влияния». Потенциальные угрозы российской политической системе в этой логике воспринимаются как угрозы российской независимости.

В этой логике совершенно естественно противодействие России расширению НАТО, абсолютно не объяснимое формально заявленными демократическими принципами. Расширение НАТО воспринимается как сужение потенциальной российской сферы влияния в Европе, исчезновение возможности когда-либо в будущем ее вернуть, и одновременно как исчезновение «санитарного кордона» вокруг России и опасное приближение к ее границам России зоны стран с иным государственным устройством. (Очень характерно, что особенно болезненно воспринималось Россией вступление в НАТО стран Балтии, не вошедших в СНГ и формально ничем не отличающихся по своему положению от стран Центральной Европы, но исторически принадлежавших к пространству империи, которое воспринимается как «естественная» сфера российского доминирования.)

Россия всеми возможными средствами пыталась поддержать режим Милошевича, в судьбе которого российская элита увидела прообраз возможной судьбы самой России и ее режима и в помощи которому она увидела перспективу включения Сербии в зону своего влияния и начала тем самым нового цикла ее расширения за пределы старых имперских границ.

Россия, как раньше это делал СССР, поддерживает различные антизападные диктаторские режимы. Она противодействовала и противодействует попыткам изолировать страны - «изгой», причем поддержка режимов - «изгоев» в мусульманских странах сохраняется, несмотря на появление новой опасности в лице исламского фундаментализма, солидаризировавшегося с чеченским сепаратизмом и движениями мусульман внутри России и угрожающего пророссийским режимам в Центральной Азии.

Она пытается создать какой-то объективно противостоящий Западу блок азиатских стран, включающий Китай. Это чревато зависимостью от Китая и переходом на роль «младшего партнера», что очень болезненно для российского сознания, но может восприниматься как «меньшее из двух зол», поскольку Китай в отличие от Запада никогда не будет вмешиваться во внутренние дела России и добиваться ее демократизации.

10

Россия проходит через циклы усиления своего государственного могущества и расширения своей континентальной империи и ослабления российского государства и сужения этой империи, совпадающие с циклами демократизации и восстановления авторитарной системы. Некоторая демократизация в начале XX века совпадает с ослаблением России и кончается революцией, попыткой создать демократическое общество. Эта попытка, естественно, влечет за собой распад Российской империи. Как только авторитарный «обруч» был снят, все покоренные Россией народы устремились к независимости. Так завершается первый цикл российской экспансии.

Восстановление большевиками авторитарной управляемости означает и восстановление в новой форме единства российского имперского пространства. Пик советского тоталитаризма при Сталине - это и пик государственного могущества России-СССР, окружившей себя громадным кольцом вассальных государств. Постепенная «либерализация» советского режима совпадает с постепенным распадом «внешней империи», зоны советского влияния и с эрозией единства и управляемости СССР. Это кончается новой попыткой создания демократического общества и новым распадом имперского пространства, чуть не превратившим Россию в национальное русское государство. Но за этим начинается новый, третий цикл частичного восстановления авторитарной управляемости, некоторого усиления российского государства и частичного восстановления единства имперского пространства.

России удастся выйти из состояния хаоса, порожденного попыткой перейти к демократии не готового к ней российского общества. При неспособности общества выработать демократический порядок, перейти к «самоуправлению», восстановление управляемости достигается возвращением к привычным, традиционным для России авторитарным порядкам. С уходом Ельцина и передачей им власти Путину завершается процесс постепенного осознания новой власти как нормальной традиционной российской власти. Россия выходит и из трансформационного экономического кризиса. Благоприятная экономическая ситуация - высокие мировые цены на энергоносители - приносит значительные доходы и позволяет поддерживать относительно высокие темпы роста и жизненный уровень. Очередное «смутное время» позади, и Россия снова «не погибла» и снова начинает «подниматься с колен».

России удастся ценой двух кровопролитных войн подавить сепаратистское движение в Чечне, преподав тем самым урок другим потенциальным сепаратистам, и более или менее восстановить контроль над своей территорией. Страшная перспектива отделения нерусских республик, «распада России» отодвинута.

России удастся частично вернуть и свои позиции на постсоветском (имперском) пространстве и закрепить СНГ, как зону российского влияния, из которой окончательно ушли только балтийские страны.

Период распада СССР - период национал-демократической эйфории, охватившей даже народы, у которых до этого реальных массовых движений к отделению от СССР не было. Но очень скоро народы стран СНГ убедились, что независимость, обретение которой совпало с мучительными социально-экономическими и политическими преобразованиями, принесла не только национальную свободу, но и многочисленные трудности и лишения. Эйфория кончается, и возникает волна ностальгии по советским временам и интеграционных стремлений.

Национал-демократические революционные лидеры уступают власть «трезвым» представителям старой номенклатуры в Молдове, Грузии и Азербайджане, и они вводят свои страны в СНГ. В результате переворота в Армении в значительной мере ориентированного на Запад Л. Тер-Петросяна сменяет жестко пророссийский Э. Кочарян. Стабилизируются авторитарные режимы в Узбекистане, Казахстане и Киргизии. В Таджикистане в гражданской войне побеждает группировка, поддерживаемая Россией и ориентированная на нее. В Беларуси отстраняется от власти один из участников Беловежских соглашений С. Шушкевич, и на президентских выборах побеждает единственный депутат белорусского Верховного Совета, голосовавший против ратификации этих соглашений (во всяком случае, утверждавший, что единственный тогда голос «против» при тайном голосовании был его), и ярый сторонник интеграции с Россией А. Лукашенко. А в Украине другого участника беловежских соглашений и «архитектора украинской независимости» Л. Кравчука сменяет Л. Кучма, одним из пунктов программы которого (правда, выполнить его он не решился) было объявление русского вторым государственным языком. Внутриполитическая ситуация во всех странах СНГ стабилизируется, и правители, стоящие во главе всех уста-

новившихся здесь режимов, воспринимают членство своих стран в СНГ как данность и видят в России гаранта стабильности своих режимов.

Внешне даже могло казаться, что произошедшие на постсоветском пространстве изменения не такие уж и принципиальные - «чем больше все меняется, тем больше все остается прежнему». В последние десятилетия существования СССР руководители национальных республик реально не были так зависимы от высшего московского партийного руководства, как это предполагалось партийной дисциплиной, и это в какой-то мере понимали и в республиках, и в центре. Но после провозглашения государственных суверенитетов они не стали такими независимыми, как это предполагалось их новым статусом. В формальной правовой сфере - резкий «революционный» разрыв с прошлым, в реальности - скорее эволюция. Раньше республиканские коммунистические правители ездили в Москву и, соревнуясь в изъявлениях преданности СССР и КПСС, добивались каких-то экономических выгод для своих республик и санкционирования своего положения и свободы рук во внутренних делах, прежде всего в кадровой политике, позволявшей им выстраивать свои неформальные механизмы власти. Теперь правители этих провозгласивших независимость государств, иногда - те же самые люди, успевшие за это время сменить идеологическую одежду и стать президентами, но сохранившие те же неформальные механизмы власти, также ездят в Москву. Они говорят здесь о своей преданности СНГ и идеям интеграции и добиваются экономических уступок, например, поставок нефти и газа по льготным ценам (за любовь надо платить), и санкционирования своего положения и свободы рук внутри своих стран, гарантий того, что Россия не будет поддерживать сепаратистов (или во всяком случае не будет способствовать возникновению новых сепаратистских движений) и выражать чрезмерную обеспокоенность положением русских, не будет пригревать у себя эмигрантов-оппозиционеров. А когда возникнет угроза их власти, они всегда могут рассчитывать на Россию, и на следующих выборах или

каком-либо очередном референдуме о продлении их полномочий Москва выразит им полную поддержку и категорическое несогласие с позицией западных наблюдателей, утверждающих, что выборы прошли не демократически и с многочисленными нарушениями законодательства.

Никаких «материальных» выгод от СНГ Россия не имеет, а ценностью для военной безопасности СНГ может обладать лишь в той фантастической картине мира, в которой существует угроза вторжения в Россию войск НАТО. Но значение СНГ для России - прежде всего психологическое и символическое. Это символ того, что Россия не полностью потеряла имперское пространство, что она все равно великая держава, окруженная странами, признающими ее доминирование. Российские базы в Севастополе или Ахалкалаки - не средство защиты от каких-то реальных врагов. Это символы российского присутствия, знаки, которыми Россия «помечает» свое пространство. И до начала нового тысячелетия казалось, что этому символическому единству и символическому доминированию ничего не угрожает.

Определенные успехи есть у России и в «дальнем зарубежье». России пришлось смириться с потерей «внешней империи», но ей удастся войти в семерку ведущих индустриальных стран, превратив ее в восьмерку, то есть получить нечто вроде официального подтверждения своего статуса «великой державы». Зависимость Запада от российских энергоносителей и трубопроводов, наличие ядерного оружия, географическое положение России, противоречия между западными странами и противоречия Запада и Китая заставляют Запад закрывать глаза на особенности российского режима (Россию даже приняли в Совет Европы в разгар чеченской войны) и поддерживать атмосферу «дружбы» западных лидеров с российскими президентами.

Внешнеполитическое положение России относительно стабильно. Никто не заинтересован в ее ослаблении или тем более распаде. Никому не нужен хаос на громадной территории, на которой размещено ядерное оружие. Никто даже не

заинтересован в рискованных демократических экспериментах в России, в результате которых к власти могут прийти какие-то экстремистские силы, более опасные, чем теперешний российский режим, который рассматривается на Западе как меньшее из возможных зол.

Правление Путина - пик нового подъема России, ее восстания из пепла «смутного времени», что идеологически закрепляется новым праздником - 4 ноября, годовщиной конца «смутного времени» начала XVII века, связанного с прекращением древней династии Рюриковичей и воцарением новой династии Романовых. «Смутное время» конца 80-х - начала 90-х, падения советской власти также, позади, и Россия вновь обрела устойчивость, покой и высокий международный статус с новой постсоветской «династией» передающих друг другу власть российских президентов.

Однако есть все основания полагать, что новый подъем России будет очень ограничен как по масштабам, так и по времени.

11

Циклы усиления и расширения России - «затухающие циклы», движение по спирали, ведущей вниз.

Российская империя была империей русских. Ее мощь основывалась на численном, организационном и культурном превосходстве русского «ядра» империи над постепенно включаемыми в состав империи соседними народами.

Внешнее могущество СССР было даже большим, чем могущество, которого когда-либо достигала Российская империя. Но в основе этой мощи было уже не превосходство русских над другими вошедшими в советскую империю народами, а могущество коммунистической идеологии и устойчивость империи достигалась ее «камуфлированием» в добровольную федерацию равноправных республик. И расплатой за это могущество был распад СССР и сужение российской территории до размеров России времен до Петра.

В новом цикле ресурсы России очень ограничены. Прежде

всего ограничены ее людские ресурсы. Численность русского населения сокращается, и возможность какого-либо роста этой численности в обозримом будущем практически исключена.

Ограничены и возможности государственной мобилизации людских ресурсов. Постсоветская российская власть не обладает ни мобилизационными возможностями российского самодержавия, опиравшегося на традиционалистскую преданность монархии, ни возможностями советской власти, опиравшейся на квазирелигиозную идеологию и на партийный аппарат. Одновременно установившаяся в России авторитарная система не создает достаточных стимулов для экономического и культурного роста - российские экономические достижения в громадной мере связаны с благоприятной экономической конъюнктурой - ценами на энергоносители.

Даже внутри России возможности контроля над нерусскими землями очень ограничены. Достигнутый сейчас контроль над «инородческими окраинами» - в значительной мере формален, и положение Шаймиева, Илюмжинова или Рахимова - очень близко к положению внутри СССР Алиева или Рашидова, создававших свои системы власти, лишь частично входившие в единую общесоветскую систему. Подавление чеченского сопротивления повлекло за собой расползание исламистского и сепаратистского подполья по всему Северному Кавказу. Реальная интеграция большинства народов «республик в составе Российской Федерации» народов в российское общество практически исключена, и, чем больше новое российское государство приобретает традиционные черты, тем меньше возможности такой интеграции. Процесс «подтачивания» многонационального имперского государства «с двух сторон» - национализмом «главного народа» и национализмами народов «инородческих окраин» продолжается и внутри России. Лозунг «Россия для русских», становящийся сейчас все более популярным, своим естественным продолжением должен иметь - «Татарстан для татар» и «Чечня для чеченцев».

Очень ограничены и возможности российского контроля над странами СНГ. Авторитарный характер режимов стран СНГ, который способствует созданию скрепляющего СНГ единого антиопозиционного, антидемократического фронта, одновременно ставит жесткие пределы возможностям более глубокой и реальной интеграции, которая означала бы потерю правителем контроля над своей страной. Поэтому все проекты более тесной интеграции кончаются тем же, что и многочисленные проекты интеграции арабских стран с похожими авторитарными режимами, то есть ничем. Неудачи многочисленных попыток объединения России с Белоруссией - идеологически наиболее готовой к более тесной интеграции, чем формальная интеграция в СНГ, но имеющей авторитарного правителя, не желающего при этом терять контроль над своей страной, показывает, что возможности более тесного объединения стран СНГ вокруг России нет и интеграционные тенденции в постсоветском пространстве достигли своего очень невысокого потолка. Между тем дезинтеграционные, центробежные процессы становятся все сильнее.

На пространстве СНГ продолжается тот же процесс становления из этносов «инородческих окраин империи» современных наций, который шел и в Российской империи, и в СССР и который в конечном счете их разрушил.

После распада СССР он принимает форму укрепления новых обществ и государств. С 1991 по 2005 г. в них происходят большие изменения. Труднейшая рыночная трансформация - позади, и начинается посттрансформационный рост. В ряде стран - более быстрый, чем в России. Быстро формируются новые группы национальной элиты, которых не было или практически не было в советское время - дипломаты, офицерский корпус, а из старой номенклатуры полукриминальных теневых дельцов советской эпохи и просто энергичных людей, воспользовавшихся перспективами, открывшимися с либерализацией экономики и приватизацией, формируется новая национальная буржуазия. Политические системы - везде квазидемократические (кроме Молдовы), но это устоявшиеся

системы, соответствующие уровню развития стран, и политическая жизнь везде начинает вращаться вокруг реальных жизненных проблем новых государств. Меняется национальный состав населения - та часть русского и вообще не титульного населения, перебравшегося в республики в советскую эпоху, которой было наиболее трудно приспособиться к новой ситуации, уезжает из страны. Новые государства становятся национально однороднее и устойчивее. Сепаратистские конфликты или «заморожены», или подавлены, или потеряли свою остроту. Возникает привычка к государственной независимости, она начинает восприниматься не как что-то, неожиданно свалившееся с неба, а как само собой разумеющееся. Этому, естественно, способствует и смена поколений - во взрослую жизнь вступают люди, для которых СССР - смутные воспоминания детства. И по мере того как новые государства встают на ноги, в них усиливается естественное стремление к освобождению от российской опеки.

Поскольку Россия поддерживает всех президентов СНГ и созданные ими режимы «управляемой», «имитационной» демократии, оппозиция этим режимам, естественно, везде становится антироссийской и обращает свои взоры на Запад. Оппозиционность и антироссийскость повсюду становятся синонимами. Но авторитарные режимы по своей природе обречены на деградацию и относительно недолгую жизнь. Падение их и приход к власти оппозиции раньше или позже неизбежны, и соответственно становится неизбежным разрыв тех уз, которые связывают их правителей с Россией и которые фактически являются последними узлами, скрепляющими постсоветское (постимперское) пространство в единое целое.

Удар по СНГ как зоне российского влияния наносят демократические революции начала XI века в Грузии, Украине и Киргизии. Они приводят к власти силы, которые сама логика их борьбы сделала «прозападными», уничтожают зависимость властей от российской поддержки и снимают главное и принципиальное препятствие на пути интеграции в западные структуры (несовместимость политических систем). Устойчи-

вость, достигнутая СНГ в 90-е гг., оказывается эфемерной, и оно распадается на глазах.

Успехи России в «дальнем зарубежье» - тоже очень относительные. Членство в восьмерке и Совете Европы и «дружба» российских президентов с западными руководителями камуфлируют растущее падение удельного веса России в мире, проистекающее не только за счет ее «абсолютного» ослабления, но и за счет усиления ее соседей - и стран СНГ, и расширяющегося ЕС, и, прежде всего - Китая. И камуфлирует ее растущую изоляцию - Россия не может, прежде всего, в силу особенностей своего внутреннего строя быть членом западных союзов, но она не может органично войти ни в какое другое устойчивое и органическое объединение. СНГ таким объединением не является, а союз с Китаем может означать лишь превращение России в «младшего партнера», культурно чуждого ей, неизмеримо превосходящего ее по мощи и не полностью «предсказуемого» соседа. Россия все более превращается в постепенно слабеющий «буфер» Запада и Китая.

Поэтому возможности нового подъема России очень ограничены. На уровень Российской империи и СССР подняться уже не удастся. Спираль ведет вниз. Но они не только ограничены по масштабам. Очень похоже на то, что пик подъема в новом цикле уже позади, приходится на первый срок правления Путина.

Прямых признаков близости нового внутреннего кризиса в России нет. Но российский режим «управляемой» или «имитационной» демократии покоится на очень слабых основаниях. Фактически это лишь сохраняющаяся неспособность общества к самоорганизации, его страх перемен, страх перехода демократии в анархию, как это уже было в 1917 и 1991 гг., и «распада России». Но российское общество также развивается. Меняется его социальный состав, уменьшается удельный вес наиболее традиционалистских крестьянских слоев, формируются привычки к значительно более свободной жизни, приходит новое поколение, вырастающее уже в новых условиях и лишенное многих специфически советских страхов.

Громадное воздействие на российское общество должны оказать и события в соседних странах. Распад СНГ, главного символа того, что Россия остается «великой державой» и «центром силы», означает не только внешнеполитическое поражение. Это и разрушение своеобразного санитарного кордона вокруг России, защищающего ее от идущих с Запада «вредных влияний» подобного кордону социалистических стран, защищавшему в свое время СССР. То, что Россия была окружена кольцом стран с однотипными режимами управляемой демократии, создавало ощущение, что ее политический режим - норма во всяком случае для постсоветского пространства. Но прорыв этого кольца, установление демократии в таких близких (и культурно, и пространственно) странах, как Украина, не может не оказывать воздействие на российское общество. То, что могло восприниматься как постсоветская норма, скоро станет восприниматься, как исключение, ненормальность, свидетельство отсталости и «ущербности». Оранжевые революции и распад СНГ - это удар по российскому самосознанию, удар по мировоззрению, которое лежит в основе всей системы «управляемой демократии».

Российский строй управляемой демократии и российский пережиточный «империализм», стремление сохранить имперское пространство неразрывно связаны друг с другом, как в свое время неразрывно были связаны друг с другом российское самодержавие и Российская империя, а затем советский тоталитаризм и СССР. Современная российская политическая система и современная российская политика удержания контроля над имперским пространством - это заключительные этапы распада единого целого - традиционного российского авторитарного, самодержавного государства и Российской империи. И как современный российский авторитаризм - слабый, неэффективный и вынужденный «притворяться демократией», так и СНГ - предельно слабая, «призрачная» форма Российской империи. И наша «управляемая демократия», и СНГ - недолговечны. СНГ, похоже, оказалось менее прочным образованием, чем российская политическая система. Но в ко-

нечном счете судьбы СНГ и нашей политической системы неотделимы друг от друга. Страна «управляемой демократии», потерпевшая полное поражение во внешней политике и окруженная демократическими странами, раньше или позже будет вынуждена прийти к пересмотру самих основ своего самосознания и своего бытия.

Третий цикл российского «подъема» завершается. Впереди - новый российский кризис.

12

Предугадать сроки и формы этого кризиса невозможно. Но ясно, что это будет очень глубокий и болезненный кризис, связанный с пересмотром самих основ русского самосознания - того, что сохранялось и возрождалось и при переходе от самодержавия к советской власти, и при переходе от советской власти к постсоветской России.

Естественно, этот пересмотр должен включать в себя отказ от авторитаризма, переход к реальной демократической системе, что для народа, который никогда в своей истории не менял демократическим, выборным путем верховной власти - в высшей степени трудно. Первый такой опыт - это что-то вроде первого шага ребенка или первых метров, которые проплывает человек, не умеющий плавать. Это психологическое потрясение, может быть, даже не меньшее, чем то, которое мы пережили при падении советской власти и СССР.

Он должен включать в себя и пересмотр самих основ российских отношений с другими народами и государствами - отказ от «пространственного мышления» и от представлений о том, что взаимодействие с другими - это всегда «игра с нулевой суммой», при которой ты - или подчиняешь, или подчиняешься. И опять-таки этот отказ - не менее глубокое и не менее трудное изменение, чем признание того, что «СССР потерпел поражение в холодной войне».

Практически несомненно, что при этом произойдет новое «сокращение России», ибо окончательный отказ от имперского мышления означает реальное принятие ельцинской фор-

мулы, выдвинутой им чисто демагогически, но тем не менее очень емко выражающей те отношения, которые должны быть в демократическом государстве с национальными меньшинствами - «Берите столько суверенитета, сколько можете проглотить». И очень трудно представить себе, что при отказе России от их силового подавления такие народы, как чеченцы или даже татары, культурно очень далекие от русских, история которых - это история борьбы с русским завоеванием, не воспользовались бы открывшейся перед ними возможностью и предпочли бы пребывание в России. Смириться с этим, понять, что Россия без насильственно удерживаемых в ее составе народов - это на деле более сильное и здоровое общество, для российского сознания будет также очень трудно.

Все это вместе - разные аспекты предстоящего глубокого российского кризиса, по отношению к которому цветные революции и распад СНГ играют роль ускорителя и предвестника - аналогичную роли разных кризисных явлений в Варшавском пакте в отношении предстоящего глубокого внутреннего кризиса СССР. Но как ни болезнен будет этот кризис, он неизбежен и нужен для того, чтобы поставить последнюю, окончательную точку в мучительных и долгих взаимосвязанных процессах распада империи и становления российского демократического общества.

Демократическая Россия не будет «великой» (не демократическая тоже не будет), но, отказавшись от тщетных усилий по поддержанию своего величия подчинением других, она может, как это сделали раньше ее бывшие коммунистические страны Центральной Европы и как это стремятся сейчас сделать Украина, Молдова и Грузия, найти себе органическое и достойное место в семье демократических народов Европы. Сейчас все это кажется прекраснодушными маниловскими мечтаниями. Но еще совсем недавно такими мечтаниями казались падение коммунизма и распад советской империи.

Народы, живущие на территории бывшего СССР (она же - территория бывшей Российской империи), прошли грандиозный путь, ведущий от самодержавной империи Романовых

к независимым демократическим государствам. Некоторые из них далеко обогнали на этом пути Россию. Но все равно это общий для всех путь, и Россия также идет по нему. Со времени российского самодержавия и империи Романовых она уже прошла громадный путь и по сравнению с этим уже пройденным путем осталось идти совсем не так уж много.

Примечания

¹ Несомненно, не случайно, что решительный поворот к националистической политике происходит при императоре, предпринявшем наиболее глубокие реформы, направленные на модернизацию и демократизацию общества и столкнувшемся с вызовами со стороны новых революционных идеологий, распространявшихся в разбузженном его реформами обществе, - Александре II.

² Революция и заключение большевиками Брестского мира не позволили России стать державой-победительницей в Первой мировой войне. Но вряд ли можно считать революцию именно в 1917 году и победу в ней именно большевиков абсолютно неизбежными. Не реализовавшийся в истории вариант, когда Россия все же смогла бы продержаться без революции до победы, не был абсолютно исключен. Какой бы в этом случае была судьба империи? Представить себе эту не реализовавшуюся, «виртуальную» историю невозможно. Но несомненно, что победа в войне не остановила бы процесс распада империи.

³ Такая трансформация совершается в основном при втором руководителе советского государства - Сталине. Сталин выдвигает идею «победы социализма в одной, отдельно взятой стране». Это означало незаметный, но имеющий принципиальное значение «диалектический» переход от представления о советском государстве, как силе, подчиненной задаче мировой революции, орудии мирового революционного движения, к представлению о нем, как о высшей ценности, и, наоборот, о коммунистическом движении скорее как о его орудии и соответственно от преданности большевиков идее мировой революции к преданности государству.

⁴ Практически незыблемыми становятся и «межнациональные границы» - национальность определяется по национальности родителей и фиксируется в паспортах, и переменить ее очень трудно. Поэтому при любой степени культурной русифицированности человек официально все равно не становится русским, и паспорт не дает ему забыть об его формальной

этнической принадлежности и соответственно не дает полностью утратить этническое самосознание.

⁵ «Моментом истины», раскрывшим, как далеко зашел процесс превращения местных элит и властей в национальные, был бунт в Казахстане в 1986 г., когда М. Горбачев снял Д. Кунаева и назначил в Казахстан русского руководителя М. Колбина.

⁶ Сочетание процессов русификации и национально-государственного строительства приводило к парадоксальным результатам. При распаде Российской империи подавляющее большинство белорусов говорили на белорусском языке. Тем не менее национальное самосознание белорусов только зарождалось и провозглашенная Белорусская республика смогла просуществовать буквально несколько дней. К концу советской власти большинство белорусов и вся элита перешли на русский. Но при распаде СССР возникает вполне жизнеспособное белорусское государство.

⁷ Каждый раз, когда гибнет империя, есть какие-то относительно случайные факторы, ускорившие эту гибель, нечто, чего могло бы и не быть. Ясно, что при какой-то иной комбинации обстоятельств могло бы не быть революции в феврале 1917 г. и тем более - октябрьского переворота (вполне возможно, для этого достаточно было бы смерти Ленина). Равным образом ни в коей мере нельзя считать закономерностью избрание Горбачева генсеком в 1985 г., затем избрание Ельцина президентом России, ГКЧП и беловежские соглашения. История, несомненно, могла бы пойти по-другому. Но также несомненно, что очень больной организм СССР был обречен. При иных обстоятельствах он мог бы существовать еще какое-то время, его смерть могла бы быть иной. Но сама эта смерть была неизбежной.

⁸ Вектор национализма не совпадал с векторами антикоммунизма и демократизма только у сербов. В Сербии коммунизм не был идеологией, принесенной «на русских штыках» и символизирующей подчинение инациональному советскому центру. Кроме того, в квазифедеративной Югославии, как и в квазифедеративном СССР, демократизация также означала распад федерации, в которой положение сербов было во многом аналогично положению русских в СССР.

⁹ Организованный союзным руководством референдум марта 1991г. продемонстрировал, что подавляющее большинство населения - и отнюдь не только в России - было за сохранение союзного государства. В России против Союза проголосовали только 19% - те, кто последовал призывам Ельцина и возглавляемых им российских демократов. Но даже эти 19% не могут рассматриваться как принципиальные сторонники роспуска Союза — это голосование носило скорее характер протеста против политики Горбачева, чем выражало реальное стремление к ликвидации СССР. И практически никто и из голосовавших «за», и из голосовавших «против» не мог предполагать, что СССР прекратит существование в этом же году.

Безусловно, не случайно, что единственный из трех участников беловежских соглашений, имевший «народный мандат» - итоги референдума о независимости- украинский президент Л. Кравчук ушел из власти, проиграв

на честных и реально альтернативных выборах. Он мог себе это позволить, ибо мог не опасаться обвинений в «государственной измене».

¹¹ Вряд ли случайно, что единственное русское сепаратистское движение, которому Россия оказала реальную помощь, - это движение в Приднестровье, присоединение которого к России невозможно «географически».

¹² Очень распространенные в России сравнение СНГ и ЕС и призывы к объединению по примеру Европы не учитывают принципиального различия этих объединений. ЕС - объединение, в котором нет ни одной страны, превосходящей все остальные страны размерами и ресурсами, как в СНГ. Это объединение относительно равновеликих стран — Великобритании, Франции, Германии, в пространстве «между которыми» относительно свободно чувствуют себя и маленькие страны. Если в таком объединении и есть опасность утраты самостоятельности, то не по отношению к какой-то большой стране, играющей роль «старшего брата», а по отношению к не национальным, наднациональным органам, национально безликой «броссельской бюрократии». СНГ по своей структуре следует сравнивать не с ЕС, а с каким-то фантастическим объединением Германии, например, с Данией, Люксембургом и Чехией. Такое объединение не могло бы быть ничем иным, как объединением вокруг Германии, более или менее закамуфлированной Великой Германией.

¹³ В начале 90-х, однако, в России была распространена наивная точка зрения, что можно будет добиться от Запада формального признания постсоветского пространства «зоной российской ответственности».

¹⁴ Это унаследование советских дипломатического аппарата и армейской верхушки означало одновременно и унаследование привычек этих элитарных групп. Люди, которые всю свою жизнь боролись с НАТО, продолжают бороться с ним и после 1991 г., как немецкие офицеры, проиграв Первую мировую войну, тут же стали готовиться к новой войне.

¹⁵ Даже переговоры между представителями категорически отвергавших сохранение каких-либо особых постсоветских связей государств Балтии о том, как совместно противодействовать России, вначале могли вестись только на русском.

¹⁶ Больше, однако, Россия поддерживала армян, не боящихся российской экспансии, поскольку Армения не имеет общей границы с Россией, имеющих территориальные претензии ко всем своим соседям и традиционно видящих в России защитника от мусульманского окружения.

¹⁷ Очень ярко видно действие этих факторов на примере узбекского Каримова. Когда в ходе подготовки войны с афганскими талибами стало ясно, что Узбекистан представляет для США громадный стратегический интерес, Каримов с радостью бросается помогать США. Одним из мотивов его резко проамериканской ориентации является, несомненно, стремление ослабить давление Запада, требующего либерализации его жестко авторитарного режима. Отчасти он достигает этого. Но дальше происходит восстание в Анджане, которое он жестоко подавил. Каримову пришлось переступить ту границу репрессивности своего режима, в которой Запад

может не обращать на нее внимание. И сразу же после этого Узбекистан отворачивается от США и устремляется к России.

¹⁸ Любая встреча российских лидеров с руководителями западных стран, особенно, естественно, с президентом США, воспринимается как подтверждение высокого статуса, и наоборот, встречи с лидерами маленьких стран Центральной Европы - скорее как ущерб для статуса. «Дружба» Ельцина и затем Путина с западными лидерами всячески афишируется, но такая же «дружба» с кем-либо из руководителей стран СНГ или малых стран Центральной Европы исключена. Очень характерно, что стремление России не допустить приема в НАТО рвущихся туда центральноевропейских стран реализовывалось через переговоры с великими странами Запада, а не через переговоры с самими этими центральноевропейскими странами.